

ДЕРЕВЯННАЯ
ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА
РУССКОГО СЕВЕРА

ДЕРЕВЯННАЯ
ЦЕРКОВНАЯ
АРХИТЕКТУРА
РУССКОГО СЕВЕРА
XIX—НАЧАЛА
XX ВЕКА

Летопись храмостроительства

Е. В. ХОДАКОВСКИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

2 0 2 0

УДК 72.03-0.35.3

ББК 85.113

X69

Научные рецензенты: д. иск. В. Г. Лисовский,
канд. архитектуры А. Б. Бодэ

Ходаковский, Евгений Валентинович

X69   Деревянная церковная архитектура Русского Севера XIX — начала XX века. Летопись храмостроительства / Е. В. Ходаковский. — Санкт-Петербург : Коло, 2020. — 344 с. : ил.

ISBN 978-5-4462-0129-7

Монография доцента Санкт-Петербургского университета Е. В. Ходаковского преследует цель воссоздать максимально полную панораму деревянного храмостроительства в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях в период от эпохи Павла I до 1917 г. Автор проводит исследование как сохранившихся памятников, так и тех утраченных, историю и облик которых можно реконструировать только с помощью проектов, рисунков, фотографий, других изобразительных и письменных источников. Результаты позволяют дать оценку феномена деревянного храмового зодчества Русского Севера XIX — начала XX в. как позднего этапа многовекового исторического развития русской деревянной архитектуры.

Издание адресовано искусствоведам, специалистам в областях охраны культурного наследия, истории русского деревянного зодчества, истории и культуры Русского Севера.

УДК 72.03-0.35.3

ББК 85.113

© Е. В. Ходаковский, текст, фотографии, 2020

© Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2020

ISBN 978-5-4462-0129-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА	
1.1. История изучения деревянной храмовой архитектуры Русского Севера	15
1.2. Источники по истории деревянной храмовой архитектуры Русского Севера	26
Глава 2. ИСТОРИЯ ДЕРЕВЯННОГО ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	
2.1. Деревянная церковная архитектура Русского Севера в годы царствования Павла I (1796–1801)	35
2.2. Законодательные ограничения деревянного храмо­строительства в царствование Александра I (первая четверть XIX века)	49
2.2.1. Архангельская губерния	58
2.2.2. Олонецкая губерния	64
2.2.3. Вологодская губерния	70
2.3. Регулирование деревянного храмо­строительства в царствование Николая I (1820–1850-е годы)	77
2.3.1. Архангельская губерния	94
2.3.2. Олонецкая губерния	110
2.3.3. Вологодская губерния	124
2.4. Разработка образцовых проектов и деревянное храмо­строительство на Русском Севере при Александре II и Александре III (вторая половина XIX века)	132
2.4.1. Архангельская губерния	145
2.4.2. Олонецкая губерния	172
2.4.3. Вологодская губерния	194
2.5. Российская империя и деревянное храмо­строительство Русского Севера при Николае II (конец XIX — начало XX века)	201
2.5.1. Архангельская губерния	206
2.5.2. Олонецкая губерния	228
2.5.3. Вологодская губерния	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	249

ПРИМЕЧАНИЯ	254
БИБЛИОГРАФИЯ	306
КАРТЫ	319
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	322
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	336
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	342

ВВЕДЕНИЕ

ДЕРЕВЯННОЕ церковное зодчество Русского Севера является неотъемлемой частью отечественной художественной культуры и составляет, пожалуй, одну из наиболее самобытных ее граней. Благодаря дореволюционным публикациям, трудам советских исследователей и реставраторов сформировался устойчивый подход к многовековой истории северной деревянной архитектуры, подразумевающий ее определенную периодизацию и наиболее высокую оценку памятников XV–XVIII столетий. Хронологические рамки этого периода традиционно обозначали церкви Воскрешения Лазаря из Муромского монастыря XV в. и Успения в Кондопоге (1774 г.). Деревянная церковная архитектура позднего периода (XIX — начала XX в.), отмеченного как в России, так и в Европе объективными культурно-историческими процессами эпохи индустриальной революции, не воспринималась как значимая страница в истории русского зодчества. Для исследователей 1880–1910-х гг. она не могла представлять интереса, поскольку не отстояла еще на необходимой исторической дистанции. В советское время эти поздние сооружения воспринимались исключительно как свидетельства эпохи «царизма», «официоза» и «клерикализма». С точки зрения оценки их как памятников общей истории русской архитектуры XIX — начала XX в. храмы эти воспринимались как всецело провинциальные и второстепенные; в то же время в народном характере им было полностью отказано¹.

Между тем с конца XVIII в. история деревянной церковной архитектуры продолжалась еще почти полтора столетия. Безоговорочное игнорирование этого длительного этапа в развитии отечественного зодчества противоречит принципам научного подхода — объективности и беспристрастности. На фоне масштабных утрат, которые понесла деревянная архитектура Русского Севера в XX столетии, сооружения позднего периода по сравнению с памятниками XV–XVIII вв. составляют абсолютное большинство сохранившегося наследия. Весьма красноречива ситуация в Республике Коми, где все до одного сохранившиеся памятники церковного деревянного зодчества относятся к позднему периоду. Причин тому может быть несколько, в первую очередь это невыработанный «жизненный ресурс» поздних

памятников, использование при их возведении технологий, обеспечивающих лучшую сохранность построек (например, изначальная постройка на каменном фундаменте, использование обшивки, покраски, кровельного железа). Возможно, сказался и контроль со стороны профессиональных губернских архитекторов, в обязанность которых входили проверки проектов и смет.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение завершающего этапа истории деревянного зодчества Русского Севера (XIX — начала XX в.): разработка ее периодизации, выявление как общих вопросов ее изучения, так и локальных явлений, связанных с историей отдельных регионов, памятников или ансамблей. Дальнейшее исследование темы предполагает разработку типологии поздней деревянной церковной архитектуры Русского Севера, анализ стилевых видоизменений в рассматриваемый период, проблем ансамблевого строительства и организации внутреннего пространства. Фундаментальный характер этих задач заключается еще и в том, что изучение позднего периода в истории деревянной архитектуры будет способствовать целостному и панорамному восприятию феномена деревянного церковного зодчества XV — начала XX в. без жесткого противопоставления, но с объективной оценкой тех трансформаций, которые происходили в многовековой истории северной русской архитектуры на разных этапах ее существования — в древнерусский период, затем в эпоху петровских преобразований и далее — с правления Екатерины II и вплоть до Гражданской войны.

Отдельно необходимо отметить, что в задачу автора входит изучение именно храмового зодчества; такая категория культовых сооружений, как часовни, требует отдельного рассмотрения и самостоятельного подхода, в основном в связи с особой типологией, меньшей степенью регламентации и, соответственно, большей архаичностью. Однако полностью феномен северной часовни никак не может быть проигнорирован и будет отражен в его взаимосвязи с храмостроительством (например, при рассмотрении широко практиковавшегося в XIX в. переустройства часовен в церкви).

Необходимость проведения такого исследования обусловлена практически полным отсутствием публикаций по истории

деревянного храмового зодчества Русского Севера XIX — начала XX в. После жесткой оценки А.В.Ополовниковым процессов, которые проходили в деревянном зодчестве XIX столетия, этот период почти на полвека оказался вне исследовательского поля. Сами храмы с 1920-х гг. перестраивались под склады, клубы; некоторые вообще оказались в частной собственности и были приспособлены под жилье, как в деревнях Товра на Северной Двине и Лавела на Пинеге, или оказались на приусадебных участках, как церковь в Воронове в Приладожье. Десятки и сотни памятников попросту уничтожались, превращались в руины.

Нужно учитывать, что суровая критика А.В.Ополовникова в адрес поздней деревянной архитектуры звучала в 1960–1970-х гг., когда всё русское зодчество XIX в., в том числе и столичное, оценивалось очень категорично, с позиций господствующей тогда идеологии. Только к 2010-м гг., по возникновении значительной временной дистанции, появились все возможности дать новую, взвешенную оценку тем творческим поискам и находкам, достижениям и неудачам, которыми отмечены полтора столетия истории деревянной архитектуры Русского Севера в конце XVIII — начале XX в. Кроме того, с 2000-х гг. в российском обществе постепенно начал формироваться запрос на реабилитацию этой категории церковных сооружений. Речь идет не только об их использовании Русской Православной Церковью (храмы в Марилове, Северодвинске, Петрозаводске, Хаврогорах и др.), но и о широком волонтерском движении, направленном именно на консервацию памятников деревянной архитектуры вне зависимости от времени их возведения. Масштабы этого движения, нараставшие с конца 2000-х гг., значительно опережали интерес к этой теме со стороны искусствоведов и историков архитектуры. В отечественной науке назрела необходимость создания полномасштабной развернутой панорамы истории деревянной храмовой архитектуры Русского Севера с 1800-го по 1917 г., выявления главных и второстепенных линий ее развития, разработки периодизации, проведения анализа основных процессов, происходивших в деревянном зодчестве XIX — начала XX в.

В то же время рассмотрение деревянной архитектуры Севера в широком контексте церковного строительства в Российской империи, сведение воедино и теоретическое осмысление

архивных источников и результатов натурных обследований позволяет детально реконструировать заключительный этап развития русского деревянного зодчества как отдельную главу его истории — в теснейшей взаимосвязи и преемственности с предшествующими столетиями.

Тезис о *единой истории* деревянной архитектуры Русского Севера XV–XVIII и XIX — начала XX в. на первый взгляд может показаться спорным. Действительно, с 1800-го по 1835 г. деревянное храмостроительство было законодательно ограничено по всей России. Затем, с 1830-х гг., после снятия этого запрета при одновременном введении новых правил и норм регулирования в эпоху царствования Николая I, церковное зодчество оказалось в совершенно новых условиях. Дальнейшая государственная поддержка, которая выражалась в миссионерском строительстве, возведении за казенный счет церковью в отдаленных и бедных приходах и, главное, в разработке единых «образцовых чертежей», способствовала увеличению количества храмов, но при этом нивелировала региональное своеобразие и отстранила народных мастеров от участия в архитектурном формотворчестве, оставив им роль подрядчиков и исполнителей.

Тем не менее внимательное изучение деревянной архитектуры позднего периода убеждает в том, что, несмотря на произошедшие в XIX — начале XX в. изменения, единая история деревянной архитектуры Русского Севера продолжалась. Это подтверждается не только абстрактной «традицией», но и многочисленными конкретными примерами ее проявления. О единстве позднего и предшествующего периодов свидетельствуют многочисленные архитектурные комплексы, где в ограде одного погоста храмы XIX — начала XX в. сосуществовали с более ранними — XVIII, XVII и даже XVI столетий. Рассмотрение избирательно, по отдельности разновременных памятников этих комплексов представляется необъективным. При поновлении старых церквей, даже при их полной перестройке зачастую сохранялось прежнее посвящение и объемно-пространственное решение. Во второй половине XIX в. деревянная архитектура вновь обретает свою «идентичность», едва не утерянную окончательно в годы действия ограничительного указа Павла I и всеобщего доминирования классицизма с его характерным приемом

имитации деревянной стены «под камень». По-прежнему сохраняется высочайший уровень мастерства народных плотников, только теперь на смену полуполюгандарному Нестору, закидывающему свой топор в озеро, приходит Мартын-плотник И. С. Шмелёва, который способен на глаз отмерить аршин и топором разделать его на четверти, «вершочки» и даже «до восьмушек»².

В историческом развитии деревянной архитектуры Русского Севера «времен связующая нить» становится очевидной при близком соприкосновении с архивными документами XIX в. Описывающие ремонты и перестройки источники часто содержат ценную информацию о храмах-предшественниках XVIII и даже XVII в. с датами их возведения и посвящениями. В ряде случаев обнаруживаются интереснейшие, выполненные с натуры рисунки памятников, безвозвратно утраченных еще в XIX столетии. Недаром именно этот период стал временем открытия и осознания, хоть и медленного, ценности старинного деревянного зодчества Русского Севера как столичными архитекторами, так и некоторыми выдающимися представителями духовенства. Таким образом, исследование этой темы способствует комплексному анализу деревянного зодчества Русского Севера именно как целостного явления, где история какого-либо храма или ансамбля прослеживается поэтапно, из века в век. Это позволяет отметить феномен преемственности, очень характерный для мирозерцания северного крестьянства, оценить степень и глубину изменений, которым подверглось традиционное зодчество Русского Севера в XIX столетии.

Географические границы исследования включают в себя территории Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний в соответствии с административно-территориальным делением Российской империи на 1917 г. В особых случаях представляется целесообразным привести в качестве примеров некоторые памятники, которые ранее находились в северо-восточных уездах Новгородской (Тихвинский, Кирилловский, Белозерский, Череповецкий, Устюженский) и Санкт-Петербургской (Новоладожский уезд) губерний. В XIX — начале XX в. границы епархий в целом совпадали с границами губерний, несмотря на незначительные изменения. Наиболее заметным организационным преобразованием в этот период стало учреждение в 1828 г.

Олонецкой епархии, куда вошли приходы Приладожья и Обонежья, а также Каргопольского уезда. Общеизвестно, что возникновение и поселений, и церковной архитектуры на Русском Севере было связано с новгородским и «низовским» (ростовским) освоением северных речных (Волхов, Свирь, Выг, Водла, Кена, Онега, Северная Двина, Вага, Пинега, Мезень) и озерных (Ладожское и Онежское, Белое, Воже, Лаче) путей и волоков. Благодаря этому еще в Средневековье сформировалась своеобразная инфраструктура церковных приходов, которая в XIX — начале XX в. в своей основе сохранялась, несмотря на существенные изменения в церковном и административном управлении, открытие новых приходов и т. д.

Хронологические рамки исследования заданы датой 25 декабря 1800 г., когда вышел указ Павла I, изменивший дальнейшую судьбу деревянной церковной архитектуры в России, и революционными событиями, начавшимися в феврале 1917 г. Однако для понимания многих процессов в истории русского деревянного зодчества порой необходимо расширить эти рамки — например, представить картину его развития в конце XVIII в. (более конкретно — в короткие годы правления Павла I, накануне издания его декабрьского Указа 1800 г.). Кроме того, в общественном сознании «поздний период» начинается еще раньше, с возведения в 1774 г. церкви Успения в Кондопоге, которая была построена «на закате северного деревянного зодчества и явилась лебединой песней народной культовой архитектуры»³. Именно это метафорическое выражение В. П. Орфинского заставляет символически воспринимать дату строительства храма в Кондопоге как «необычайно яркого заключительного аккорда торжественной архитектурной симфонии»⁴. Также и верхние временные границы могут быть отодвинуты в 1920-е гг., когда на Севере (главным образом в Вологодской губернии) строительство церковей еще какое-то время продолжалось, вопреки общей тенденции развития страны, вплоть до начала коллективизации и окончательного обрушения дореволюционного уклада жизни русской деревни⁵.

Внутри этих хронологических рамок периодизация тесно соотносится с годами царствования императоров Дома Романовых от Павла I до Николая II. Это обусловлено не только

тем, что в России все указы, синодальные в том числе, формально исходили от имени Его Императорского Величества, выделенного заглавными буквами как в печатных документах, так и в писанных от руки. Личность каждого монарха, его идеи, предпочтения и мировоззрение сказывались во всех сферах общественной жизни в период его правления; отражались они, безусловно, и на церковном строительстве. Именно эмоциональная реакция Павла I на пожар в одном из приходов Калужской губернии объясняет судьбоносный указ от 25 декабря 1800 г. В 1801–1825 гг., при Александре I, под действием этого закона возведение деревянных приходских церквей практически повсеместно приостанавливается. Зато уже в первые месяцы правления Николая I предпринимаются меры по выработке «Правил на будущее время об устройении церквей», что и определило историю деревянной архитектуры николаевского и последующих царствований как отдельный и вполне самостоятельный период в истории деревянного зодчества XIX в. Исключением становится вторая половина XIX в., при обращении к которой стоит вспомнить авторитетное суждение Е.И. Кириченко: «Смерть Николая I и окончание Крымской войны отметили начало нового периода в русской истории — второй половины XIX в. В нем различаются три этапа, условно обозначаемые как шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы. Однако, как нередко бывает, границы периодов не совпадают с хронологическими датами. Шестидесятые годы приходятся в России на 1856–1867 гг., семидесятые начинаются в 1867 и кончаются в 1881 г.; восьмидесятые — в 1892–1893 гг. Те же 1892–1893 гг. обозначают новый рубеж в истории России, открывая период, известный под названием конец XIX — начало XX столетия»⁶. Это справедливое наблюдение и предопределило рассмотрение деревянной церковной архитектуры Русского Севера при Александре II и Александре III в рамках единого раздела, в то время как правление Николая II можно представить как самостоятельную заключительную главу в истории деревянной церковной архитектуры.

Исследование деревянного храмостроительства на Русском Севере в XIX — начале XX в. раскрывает всю сложность и неоднозначность тех процессов, которые происходили в этот период как в самих северных губерниях, так и в отечественном зодчестве

в целом. Сегодня легко критиковать вкусы и предпочтения тогдашних крестьян, купцов, священников, чертежников, архитекторов и епископов, вся вина которых была лишь в том, что они жили в эпоху с иными, чем наши, устремлениями. Не будем забывать пророческого замечания В. П. Орфинского, глубокого знатка традиций архитектуры Русского Севера: «Прошлое и будущее чудесным образом соприкасаются друг с другом в настоящем, но само настоящее непрерывно меняется во времени, и архитектурные сооружения, не имеющие общепризнанной ценности сегодня, завтра могут стать памятниками истории и культуры»⁷.